

Психологические науки

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ОТ ДЕЙСТВИЯ ВРЕДНЫХ ФАКТОРОВ СРЕДЫ

Николаева Н.И., Токарь А.И., Гладких С.Н.,
Самойленко В.А., Минина Е.С., Горохова Е.Н.
*Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия*

Теоретической базой естественной противостressовой защиты на действие вредных факторов внутри вузовской среды обитания является представление о саморегуляции функций организма. Психофизиологическая защита является одним из компонентов адаптационных механизмов студентов к учебному процессу, насыщенному новыми инновационными технологиями в аспекте новой парадигмы образования. Тolerантность студенчества к вредным факторам среды обитания (природным, макро и микро социальным, эргonomическим, внутри вузовским, значения которых не соответствуют гигиеническим требованиям) и личностные перво-психические состояния не безграничны. Появилась новая глобальная проблема современности – рост числа психосоматических заболеваний. По данным Госкомстата РФ за время учебы в ВУЗе по РФ отмечается рост числа хронических заболеваний от 45% до 63%. По данным анкетирования в НовГУ за время учебы четверть студентов отмечают ухудшение состояния здоровья (частые головные боли, боли в области сердца, слабость). К пятому курсу ухудшение в своем здоровье отметили 39% опрошенных студентов. При длительном и интенсивном воздействии комплекса стрессовых факторов происходит снижение психофизиологической защиты. В профессиональной деятельности психофизиологическая защита может трансформироваться в «индивидуальный защитный стиль», трактуемый как устойчивая модель, стратегия профессионального защитного поведения, созданная на ключевой роли формирования знаний и культуры безопасности жизнедеятельности. Усвоение, хранение, накопление, архивация и беспрепятственная передача знаний, умений, на-

выков культуры безопасности жизнедеятельности являются аксиоматическим утверждением в профилактике травматизма, учебно и производственно обусловленных заболеваний. Рекреационными технологиями предусматривается прекращать деятельность с целью отдыха не в период выраженного утомления, а при наступлении состояния начального утомления, т.е. в период компенсаторной перестройки функций организма. Длительность отдыха зависит от степени снижения функций организма, характера и интенсивности выполняемой работы. Хотя зона биоритмического оптимума имеет индивидуальные колебания, учебные занятия необходимо планировать с учётом высокой работоспособности студентов при совпадении по времени жизненного ритма с биологическими ритмами. Комплекс мер по оптимизации психогигиенических условий внутри вузовской образовательной среды для формирования психофизиологической защиты включает архитектурно-планировочные, инженерно-технические, организационные, педагогические, лечебно-профилактические мероприятия. Обучение психогигиенической культуре должно быть при изучении дисциплины «Безопасность жизнедеятельности».

Выводы

Психофизиологическая защита имеет многокомпонентную и многоуровневую структуру иерархического типа, образованную комплексом защитных механизмов, психических функций и личностных свойств. Психофизиологическая защита рассматривается как составная часть фундаментальной триады «опасность – человек – защита от опасностей». Исследование позволило уточнить системно-структурную картину механизма психофизиологической защиты, что позволяет более конструктивно решать методические вопросы защиты. Содержательные сферы безопасности жизнедеятельности – междисциплинарные и представлены в различном содержательном выражении в дисциплинах экологического, психологического, гигиенического, культурологического и других направлений.

Филологические науки

ПРОСТОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Пазов С.У.
*Карачаево-Черкесский государственный
университет
Карачаевск, Россия*

В современной лингвистической литературе, посвященной проблемам синтаксиса, сказуемое часто определяется по-разному. «Во-первых, противоречивость и недостаточная ясность теории сказуемого обусловлена тем, что в

лингвистической традиции, как в русской, так и в зарубежной, существуют два подхода к пониманию сущности сказуемого. Согласно одному из них в качестве сказуемого может выступать только личный глагол, а связанный с ним инфинитив может представлять собой дополнительный глагольный член (Шахматов). В соответствии с другим подходом сказуемое включает в себя не только личный глагол, но и зависимый от него инфинитив (Овсянико-Куликовский)... Кроме того, нет единого подхода к формальным разновидностям сказуемого, к классификации глаголь-

ных конструкций» (Левицкий, 2002, с. 75-76). Часто наблюдается и терминологическая путаница – встречаются случаи, когда одно и то же явление обозначается разными терминами и, наоборот, различные языковые явления разными исследователями выражаются одним термином. Все это затрудняет определение сущности сказуемого и его семантических и структурно-грамматических особенностей в разных языках.

В настоящей работе мы исходим из того, что «в самой реальной действительности есть двоякого рода явления: с одной стороны, есть предметы, вещи, а с другой стороны, есть действия этих вещей предметов... Употребление в роли сказуемого в одном случае имен, обозначающих идеи вещей, в другом случае глаголов, обозначающих действия, дает возможность характеризовать предмет (подлежащее предложения) с двух разных сторон, со стороны его свойств или признаков, носителем которых является предмет, и со стороны действий, которые он совершает» (Пигин, 1963, с. 3). Исходя из этого, считается целесообразным подразделение сказуемых на два основных типа – глагольные и именные. Такая классификация акцентирует внимание не только на семантическую сторону слова (или слов), выполняющего синтаксическую функцию сказуемого, но также учитывает грамматические особенности и возможности этого слова. Например, в абазинском языке функцию простого глагольного сказуемого может выполнять не только первичный финитный глагол, но и отыменный, который, являясь производным от именной части речи, по своим структурно-грамматическим характеристикам ничем не отличается от статического глагола, благодаря своим классно-личным префиксам и, так называемому, суффиксу предикативности. Последний является форманттом категорий времени, финитности и статичности одновременно.

Сказуемое¹ в абазинском языке, выражая модально-временные и субъективно-объектные отношения, является организующим центром предложения. В нем, как это было удачно замечено исследователем абхазского языка Ш. К. Аристава, «грамматически сконцентрированы синтаксические функции и именных, и глагольных компонентов предложения других языков (например, русского)» (Аристава, 1982, с. 122). Основной формой выражения сказуемого является глагол, который в силу своей полисинтетической природы имеет большие синтаксические возможности. Однако не всякий глагол (не все существующие в современном абазинском языке грамматические формы глагола) может брать на себя функцию сказуемого. Главной глагольной формой, занимающей синтаксическую позицию сказуемого, является финитный глагол. Это могут

быть как динамические, так и статические, как переходные, так и непереходные, как первичные, так и отыменные. Функцию сказуемого могут выполнять и инфинитно-вопросительные формы глагола. Все остальные глагольные образования (инфinitные глаголы и инфинитные конструкции) в силу того, что не имеют определенного семантически завершенного значения и не могут самостоятельно выражать время, не используются в синтаксической позиции сказуемого (кроме случаев, обусловленных контекстом, ситуацией).

По своей структуре или компонентному составу сказуемое в абазинском языке бывает простым или составным². Сказуемое является простым, если грамматическое и вещественное значения, которые являются одним из его основных характеристик как члена предложения, выражаются одним словом. Таковым в абазинском языке являются финитные и инфинитно-вопросительные глаголы. *Адгыл зырхарджыуа үчIынI* «Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает» (АПА). *Ахча зицарду агыч дичшивитI* «У кого много денег, тот боится воров» (АПА). *Уысасчаква анбацах, Абдулкъарим?* «Когда твои гости ушли, Абдулкерим?» (П). «Швыпхын атипциара миқва штајсвга?» - лхIван арытхагIв асабиква дырыгIатI (П) «Как вы провели свои летние каникулы?» - спросила учительница детей».

В тех случаях, когда «вещественное значение выражается словом или формой слова, не имеющими грамматических показателей времени и модальности ...», то сказуемое получает второй, вспомогательный компонент, который и выполняет функцию выражения грамматического значения...

Сказуемое, в котором вещественное и грамматическое значения выражаются раздельно, разными компонентами, называется составным» (Кустова, 2005, с. 67). В современном абазинском языке составными сказуемыми бывают и глагольные, и именные. Составные сказуемые так же, как и простые, подразделяются на основные и осложненные. Особняком стоят сложные сказуемые. Все эти формы должны быть рассмотрены отдельно на реальном языковом материале.

Простое глагольное сказуемое, как уже было отмечено выше, сочетает в себе веществен-

² В специальной литературе имеются и другие классификации, а также встречаются и другие термины. Например П. А. Лекант предпочитает термины «простое сказуемое» и «непростое сказуемое», что, на наш взгляд вполне оправдано, если учесть множество форм и структурных типов, относимых к составным сказуемым (Лекант, 2004, с. 46). Исследователи адыгских языков Х.Э. Дзасежев, Б.М. Карданов, Х. Ш. Урусов, А. М. Камбачоков на материале кабардинского языка выделяют три типа сказуемых: простые, составные, сложные (Камбачоков, 1997, с. 108) и т.д.

¹ О способах выражения и синтаксических позициях подлежащего свое мнение мы уже высказывали (Пазов, 2008, с. 115-119; Пазов, 2009, с. 291-296).

ное и грамматическое значения. Идеальной формой выражения простого сказуемого является финитный глагол. При этом динамические глаголы (как обычные, так и релятивные) синтаксическую функцию сказуемого выполняют в семи глагольно-временных формах изъявительного наклонения, статические – в двух формах.

Простое глагольное сказуемое в абазинском языке может быть также выражено и другими финитными формами глагола – допускательным, повелительным, желательным, сослагательным, предположительным наклонениями и различными вопросительными формами¹.

Финитные глаголы в форме изъявительного наклонения в синтаксической позиции сказуемого. Простое глагольное сказуемое в форме динамического глагола в изъявительном наклонении абазинского языка реализует семь временных форм – одну форму настоящего времени, четыре – прошедшего и две – будущего (Клычев, 2000, с. 145-146; Табулова, 1976, с. 147-148):

- настоящее время выражает действие, которое происходит в момент речи: *АгIвыма пхдзы* *йшгIайса апшта ьцахитI* (АПА) «Чужое добро уходит также, как и приходит»; *Амцабыз ьлайшIыкъитI* (АПА) «У него высокая температура» (досл.: у него со рта бьет пламя); *AхIвахча ьнанакIвзлакIгъи ахIва бжсы ьльмхIа ьтгIевитI* (АПА) «Свинопасу всегда слышится хрюканье свиней»; *ЬльмхIа закIгъи ьтмалум* (АПА) «Он и слышать ничего не хочет» (досл.: в его ухо ничего не входит). В пословицах, поговорках и отдельных фразеологических единицах форма настоящего времени может быть использована для передачи семантики обобщенного прошлого: *ЗнапIы ззымкIуа ьннапIы ьдаквдзитI* (АПА) «Кто не чист на руку, тот от руки и гибнет»; *ЗчIвартаз ьымдыруа ьдIвартадахитI* (АПА) «Кто не знает своего места, тот остается без места»;

- прошедшее результативное (аорист) выражает однократное совершенное действие: *Aхь-апиц тоба амц ьязцатI* (АПА) «Золотая гора превратилась в ложь» (соотв.: Сузнить золотые горы); *AхIахъви анышви ьлaxIбжъсалтI* (АПА) «Между нами легли земля и камень (т.е. умер близкий нам человек)»; *Йуыжесуаш адзы ьгъIацIымIстI* (АПА) «Родник, из которого будешь пить, еще не пробился (т.е. ты еще молод, твое счастье еще впереди)»;

- прошедшее неопределенное обозначает незаконченное действие, которое протекало в прошлом: *Ан лхIа ьдайбжъсун, анхIа ачынцквапахъадзун* (АПА) «Мать свою дочь наставляла, а дочь мух считала»; *Залиха закIы дазхъвьциудымгвжсажсвауа ьдымгIвайсулан* (Кль. А.) «Залиха, задумавшись о чем-то, спла не спеша»; *Ауи кIакIадза ьгъылуан, зыквхъа тишквнарышшу-*

ан, ауаса амашакв ьгъIакIамишузтI (ХI. З.) «Он вставал на задние ноги, бросался на спину, но мешок не падал»;

- давнопрошедшее результативное указывает на совершившееся в отдаленном прошедшем времени действие: *Ауцитара атиша пстхIва ѡцарда ькъвнацахьатI, асунейгъи ьыквцIхьатI уада ѡцарда* (Аб. л.) «С тех пор много туч разогнал ветер, и много людей ушло на тот свет»; *Сара сквишшбжасакI ьсцIхьатI, ауаса сымч таркIванI* (Дж. ХI.) «Я прожил полвека, но еще полон сил»; *Са ьйынсцIуашыз ьсцIхьатI, ласы асуней схIваджъхуаштI* (ЦаракIв.). «Я свое уже прожил, скоро покину этот мир»;

- давнопрошедшее незаконченное (по другой терминологии: давнопрошедшее упреждающее) выражает действие, которое произошло в далеком прошлом и предшествовало другому действию: *Амары ташвахъан* (Дж. ХI.) «Солнце село (давно)»; *Ацх ьаласкIакIъахъан* (Т. Б.) «Было уже далеко за полночь»; *Ауи лунаша аагалы ьгъIасархIехъан* (П) «О ней давно уже многие говорили».

Пятая форма, используемая в абазинском и абхазском языках для обозначения действия, совершенного в прошедшем времени, в лингвистической литературе обозначается как прошедшее незаконченное (по терминологии А. Н. Генко «прошедшее зависимое»). Она указывает на относительность временного плана того действия, которое выражается соответствующим глаголом. «Ввиду двойной временной характеристики, - пишет Л. П. Чкадуа, - форма прошедшего неопределенного времени в предложении самостоятельно почти не используется. Она употребляется чаще всего в связи с другой временной формой. Посредством этих двух глагольных образований выражаются сменяющие друг друга последовательные действия... Прошедшая неопределенная форма по отношению к моменту речи выражает прошедшее время, а по отношению ко времени последующего действия – преждевременность» (Чкадуа, 1970, с. 137). Таким образом, форма прошедшего неопределенного времени в абазинском языке не встречается в синтаксической позиции простого глагольного сказуемого. Она дополняет, уточняет, конкретизирует действие или состояние, которое выражается сказуемым. При этом (глагол в форме прошедшего неопределенного времени) в структуре предложения чаще всего выполняет функцию обстоятельства, одиночного или выраженного синтаксической конструкцией. *Ауи ьнаубауа хIыбыхъв ьдуква ьирзымкIхуата ьгъIархънаган* ауи хIыбнаква рахъкIала ьгъIаджсвквнагатI (Аб. ал.) «Его (комара) перенесло через вот эти наши высокие горы и понесло к нашим лесам»; *АкIвбры апсы ахъицIхын, алаквазы хънагIван* апра тишазначатI (Аб. ал.) «Комар очень испугался, закрыл глаза и приготовился к смерти»; *Йыкв-лын* архъа гъвгъвара ьыгIевитI аджъугъальва

¹ Аналогичные формы на материале близкородственного абхазского языка подробно описаны Ш. К. Аристава (Аристава, 1982, с. 122-133).

(М.Кь.) «Пустившись по равнине, катится перевати-поле».

Известно, что в абазинском языке кроме первичных динамических глаголов существуют еще и релятивные их формы, т.е. производные от статических форм глаголы действия (динамические). Производящими основами могут быть как первичные статические глаголы, так и отъменные. «Статические глаголы, принимая аффиксы *жь*, *ца*, *ха*, *да*, *зл(а)*, *л*, становятся динамическими и приобретают все признаки последних» (Клычев, 2000, с. 144), в том числе и вышеперечисленные временные формы в синтаксической позиции сказуемого:

- настоящее время: *йтамI* → *йтаталтI*. *Ахъацала алгавадыгь ьтаталтI* «Мужчина спускается в поземелье»; *йыманI* → *йымазлтI*. *Апшыма бзи йанакIвызлакIгы асас ыйхъаз ьцуаш уаса ручахъа ыймазлтI* «Хороший хозяин всегда имеет у себя откормленного барана, чтобы зарезать его для гостя»; *дкъахвнI* → *дкъахвхтI*. *Ауу ыймышыркъвара згIауа зымгIвагы ькважхтI* «Всем, кто слышит его шутки, становится веселей»; *мачInI* → *мачхтI*. *Акыт апны апхъарт глахъыртIицтара ыйзамхъаквауу ыйзымыгIвквачи* *рыца-рыца ьмачхтI* «С тех пор, как открыли в селе школу, не умеющих читать и писать становится все меньше и меньше»;

- прошедшее результативное (аорист): *Хладжъса ауланха ахлахъв ьыцIайIамI* «Ходжа положил ключи под камень»; *Аслъан ахIвараква ахламач ьтайыжытI* «Аслан запустил (загнал) телят в коровник»; *Ажс адзкъычIвы ьтакхатI* «Корова застрияла в болоте»; *АпшыхвыгIвча уахъынлата акыт ьтакхатI* «Разведчики ночью вошли в село»;

- прошедшее неопределенное: *Ауипхъадза сара ахъаца ьцхързлара стахъхун* «И всякий раз мне приходилось обращаться за помощью к мужчине»; *МухIамад сасра данхIызгIайлакIгы ьхъвланадзыкIба ьдаазлун* «Когда бы ни приходил к нам в гости Мухамед, он всегда задерживался до вечера»; *Чиа бзита ьвзышла аула амахъвдаква ачIыладза ьгIацтIалуан* «Яблок на дереве было так много, что ветки опускались (ложились) до земли»;

- давнопрошедшее результативное: *Алы-гажс арахквва адзы атишы ьгIатайдахъатI* «Старик (пастух) спустил уже к берегу реки стадо коров»; *Ауаса хIычица ахIера ьячIва бзи ьылалхъатI* «Отара овец уже вошла в хорошую зеленую траву»; *Асаби ауандырхъыци ькIинцIахъатI* «Ребенок уже испачкался (успел испачкаться) солидолом»;

- давнопрошедшее незаконченное: *Сара тишангIаздърх апхIыспа хъапиц аурام тива дбжъсалхъан* «Когда я пришел в себя, девушка-красавица уже успела скрыться в узкой улочке»; *АхIамад са ьапхъахаута данызба дыгъсабихымызтI, ьхъацIахъан* «Когда я впервые увидел Ахмеда, он уже не был подростком, а

был уже зрелым мужчиной»; *Ан лсабиква ьтIалыжъхъан* «Мать уже уложила своих детей».

В абазинском языке, как уже было выше сказано, динамические глаголы имеют две формы будущего времени: будущее первое (или будущее неопределенное) и будущее второе (или будущее определенное). Обе формы могут быть реализованы в синтаксической функции сказуемого:

- будущее первое (неопределенное) обозначает действие, которое должно произойти после акта речи: *СгIадзапI сара ьгрий пишата, апстхIва квайчIваква сырхЧыпI, сгIаталтI сара ьлапын пишдзата, фгIвы пишдзала хIхарзагв сырчыпI* (Ч. М.) «Примчусь я ветром родным и разгоню тучи черные, приду я весной прекрасной и наполню благоуханьем край родной»; *Ари ахъыкI амив ьучIвыпI* – *ари ьымтачара ьуфапI, ьыгIвбахау ахъвгы амив ьучIвыпI* – *ауи ьыбжъсанчара ьуфапI, ари ьхъпахаугы амив ьучIвыпI* – *хъвлапынчара ьуфапI* (Аб. т.) «Вот эта часть, медведь, тебе принадлежит – съешь ее утром (на завтрак), и вторая часть твоя, медведь, – пообедаешь им, и третья также для тебя, медведь – съешь ее на ужин». Вместе со значением будущего времени эта форма часто передает и оттенок неуверенности: *Ай саджъальги ари акIвзарын, ари аула саквнакъязтын сбыгIвшигIвкva ьграпурым* (Аб.т.) «Ой, наверное, эта моя судьба, если кинет (ураган) меня на это дерево (т.е столкнусь с этим деревом), костей моих не сберут»;

- будущее второе (или будущее определенное) также выражает действие, которое должно произойти после акта речи, но с оттенком уверенности и категоричности: *Адзын ьгIаталтI. Аласа хIсушипI. Сара ьквымжыкI аласа ьгIалсхуаштI* (Ломт. К.) «Настала осень. Будем стричь шерсть (овец). Я из этой шерсти сделаю черкесскую»; *Уара уажза муква сара сгыржычым* (ЛокI.) «Твои лживые слова меня не обманут».

В специальной литературе по абазско-адыгским языкам отдельные исследователи выделяют еще и третью форму будущего времени – форма будущего категорического времени (Аристава, 1982, с. 126). На наш взгляд, материал абазинского языка не дает основания выделять соответствующие формы в отдельный тип или способ передачи значения будущего времени. Дело в том, что в абазинском языке соответствующая категоричность передается в большей части аналитическими конструкциями со словом *атахъыпI* «надо, необходимо». В отдельных случаях форма будущего неопределенного, принимая суффикс *-чIвы*, выражает соответствующую категоричность: *ьчIанапI* «он сделает» - *ьчIачIвьпI* «необходимо сделать то». В данном случае значение категоричности привносит суффикс *-чIвы*. Он же переводит динамический глагол в разряд статических, более того, меняет структуру глагола – двухличный переходный глагол (в данном случае

чата «делать») становится одноличным и непереходным, трехличный переходный глагол становится двухличным и непереходным (*й-ры-с-тамI* → *й-ры-тчIенI* «я им то отдал – то надо им отдать») и т.д.

Статические глаголы в форме изъявительного наклонения в синтаксической позиции сказуемого. Статические глаголы (первичные, отыменные, релятивно-статические), выполняя функцию сказуемого, реализуют две временные формы:

- настоящее время: *ДиIаранI*, *къару батырта йыланI*, *йгвы штула дапшI* *йеласыз асы* (Л. Дж.) «Он ловкий, имеет богатырскую силу, чист в помыслах своих как снег»; *Йсыму анхара йазычу*, *анхара бзи йызбаяу напынI*, *йымшавау гзыпI*, *йхъвицца хъанI* (ШаракIв.) «У меня есть руки, привычные к работе и любящие работу, сердце бесстрашное, голова думающая»; *АжвэгIванд ҷиципI* *уахъынла, тишилагы йыгъхъдахуам* (М. Кь.) «Ночью небо пасмурное (затянуто), да и днем уже не открывается»;

- прошедшее незаконченное время: *ПицыгIвачва* *йымата лыгажскI даын* (ШаракIв.) «Жил один старик, у которого было четверо сыновей»; *Абна ачвицца аны тишиара дукI аман* (Аб.ал.) «На опушке леса имелась большая поляна»; *АдзыгIв үхIашв цагъала* *йхъгIван* (Чв. Ш.) «Река была покрыта тонким льдом»; *Мурат щымтана мазкva* *дIадзахта ауагIа* *йыквымышкIва* *аудандыр зчIеу* *йызйырца-ра* *йгвыгъян* (Чв. Ш.) «Мурат хотел вернуться рано утром и отвести повозку хозяину пока его никто не увидел»;

Финитные глаголы в форме повелительного наклонения в синтаксической позиции сказуемого. Глаголы в форме императива в абазинском языке часто встречаются в позиции сказуемого, выражая значения ирреальной модальности и абсолютного времени. При этом в положительных формах повелительного наклонения переходный глагол-сказуемое не содержит в своей структуре показатель субъекта во втором лице единственного числа, который должен был бы соотноситься с подлежащим предложения и согласоваться с ним в классе, лице и числе, как это бывает в других случаях. Отсутствие форманта субъекта в структуре сказуемого в данном случае объясняется природой переходного глагола и особенностями эргативной конструкции в кавказских языках и исторической первичностью объектного спряжения транзитива (Чикобава, 1961, с. 168-169). Соответствующее явление не наблюдается у непереходных глаголов в синтаксической позиции сказуемого, а также в тех случаях, когда глагол имеет отрицательную форму или показатель субъекта стоит во множественном числе.

Сказуемое, представленное глаголом в повелительном наклонении, может выражать:

- категоричный приказ, повеление, категоричное требование немедленного выполнения

чего-либо: *АунагIва аны ахIбата йгIанызыжсуа ари* *йакIванI*. *ЙхIава швахъымнан, швайыздзыргIвы,* *йхIава швчна, швайхIава швха!* (ШаракIв.) «Старшим в доме оставляю его. Не перечте ему, слушайтесь его, делайте, что он говорит, выполняйте, что он скажет!»; *УныцI, сымелва уыквицI, ацла бела, ацла уымчIым!* (Аб.ал.) «Уйди, освободи мою дорогу, гнилое дерево, дрянное дерево!»; *«ЙгIашIарыс! ЙгIашIарыс!»* - *дIибIруан Газали* (Т.Ч., Н. П.) «Останови! Останови!» - кричал Газали»;

- просьбу, мольбу, уговор: *АчкIвынчаква алыгажсква шырхъаштылхуа апита сухъумиратылын* (КЬ. А.) «На забывай меня, как обычно молодые забывают стариков»; *Арахъ угIашIас зны, угIайгва, унаплы сыркы, усасы мачIдзакI са спны* (Дж. Кь.) «А ну постой немного, заходи в гости, дай пожать твою руку, погости немного у меня»; *«Убжызы умырган, утынчха»,* - *йхIван Умар дIегIасайбжсууз* *тарасахIаткI ахысбыжь* *глагатI* (Дж. XI.) В то время, когда Умар меня успокаивал: «Не шуми, успокойся», - раздался выстрел»; *УгIас, агIвычигIвыс, угIас, агвиргъяхъбра уазгIас* (Б.Кь.) «Играй (имеется в виду в музыкальный инструмент – зурну, скрипку, в значении «пой, благословляй»), человек, играй, во имя радости играй!»;

- совет: *Адзырырта унамдзаскIва укIалта хъауымгылын* (АПА) «Не поднимай подол пока не вошел в воду (досл.: пока не дошел до брода); *Уычв хъагъата са ссаби, уычв цIаулата* *Хасамби* (Чв. Ш.) «Сладко спи мое дитя, спи спокойно, Хасамби»;

- побуждение, приглашение к действию: *Уа у-Псадгыыл уапшымахъацIата уазынха, ищтIых, йырду!* (ТхI. Б.) «Ты как хозяин работай на свою Родину, возвысь его и славь!», *УымчIавата* *йгIарыгъага утибыг!* *Йкъя,* *уашIамсуа* *йкъя, ачва ду* *кIакъя!* (Ч.М.) «Не сиди, работай косой, коси, без устали коси, добродотное сено коси!»; *УгIайгва агIапын* *насып* (Ц.П.) «Приди (досл.: зайди в гости) весеннее счастье»;

Для придания оттенка вежливости или просьбы часто к повелительной форме глагола прибавляется суффикс *-стI*: *Ари уапшыстыI, анахъ агIвынала* *рыцIагы* *ийцарданI* (Дж. XI.) «Посмотри-ка на это, там, в сторонке еще больше»; *СыгIвеза, угIали* *ласыта ачва, уздыргIвыстыI, ўугIума* *хIашва?* (Ц. П.) «Дружишь, просыпайся-ка ты скорее, прислушайся, слышишь ты нашу песню?»; *Мама, бIашылта са съаба* *бапшыстыI, бхъа* *гланаркъыты* «*цIыкъ-цIыкъ*» *баздыргIвыстыI* (Т. Б.) «Мама, зайди и посмотри-ка на мою ручку, наклони голову и послушай-ка тиканье». Этот же суффикс может привносить оттенок или даже значение угрозы: *ЙумырхъянстыI* (Дж. Кь.) «Попробуй не выполнни!»; *ЗакI хIастI* *йатахъым, йуызгIеузтын*

убапI (П) «Попробуй скажи что-то не то, не поздравится».

Финитные глаголы в форме желательного наклонения в синтаксической позиции сказуемого. Глаголы желательного наклонения в синтаксической позиции сказуемого выражают абсолютное временное и ирреальное модальное значение пожелания (исполнения желания) как в положительной, так и в отрицательной форме: *ЙгIацIсицланда*, - *ахIвимI* са сгвы, - *агвадз хламта ачвыргъвы!* (Чв. Ш.) «Раз за разом бы ссыпать, - говорит мне сердце, - хорошо созревшую (досл.: тяжелую) пшеницу!»; *Бызшивата яйузы зымгIвагы удырында*, *зыквла йгъынкъыгъум* (АПА) «Знать бы все языки, не на плечах же носить» (т.е. знать языки – не в тягость); *Кына сипхIамIвагы ЛоургIа сырхIанды* (Л. Дж.) «Была бы я из рода Лоовых, а не дочерью Кыны». В отдельных случаях в зависимости от контекста и ситуации речи сказуемое, выраженное глаголом желательного наклонения, может обозначать мягкое повеление, сожаление, проклятие, угрозу: «*АлахI са сицинда ауи аукIысгъи*», - *йхIвамI ачкIын* (Аб.ал.) «Лучше бы аллах меня убил», - сказал юноша». Желательное наклонение может быть образовано как от динамических, так и от статических глаголов.

Финитные глаголы в форме допускального наклонения в синтаксической позиции сказуемого. Глаголы допускального наклонения (конъюнктив) в синтаксической позиции сказуемого выражают абсолютное временное значение и ирреальную модальность. Значение конъюнктива может проявляться с допускательной или побудительной семантикой. «Семантика допущения с оттенком побуждения или пожелания предполагает такое действие, которое должно совершиваться после момента речи, семантика же чистого допущения – действие происходившее в прошедшем или настоящем временном плане. И в том, и в другом случае ориентация на момент речи непосредственная» (Чадуа, 1970, с. 129). Семантика допущения с оттенком призыва часто встречается в таких традиционных формулах абазинской речи, как клятва, заздравный тост, приветствие, проклятие и т.д.

Допускательные формы глагола могут быть образованы и от динамических (с помощью суффикса *-рзIамI /-рзгIамI, /-рыгIамI*), и от статических (с помощью суффикса *-змI*) глаголов (Табулова, 1976, с. 157): *Ари тIакIв швны даъазтI*, - *йхIвамI Аслыан* (АзхIара) «Пусть она побудет у вас немного», - сказал Аслан»; *ЙырзIарзIамI* зымгIвагы *хIдзыгIвка* *рбжъы* (Ч. М.) «Пусть слышат все журчанье наших рек»; *Сара мцы схIбузтын сыхъвда ахъвыц аукIыс йцIарзIарзIамI* (Ашта) «Если я говорю неправду, пусть моя шея станет тоньше волоска».

Финитные глаголы в форме сослагательного наклонения в синтаксической позиции сказуемого. Глаголы сослагательного наклонения в

синтаксической позиции сказуемого имеют ирреальное значение – они выражают действие, которое в действительности не реализовано или еще не осуществлено, но могло бы произойти при определенных условиях. Эти глагольные формы «имеют двойную временную ориентацию: на момент речи и на время действия глагола, выражающего условие. Ориентируясь на момент речи, действие, переданное сослагательной формой, указывает или на прошедший временной план, или на будущий; ориентируясь на время действия, выражающего условие, оно обозначает следование, но может передать (правда, весьма редко) и одновременность. Из этих двух ориентаций вторая ведущая, и потому временной план части высказывания, выражающей обусловленность, часто зависит от временного плана другой части, выражающей условие» (Чадуа, 1970, с. 174). Форма сослагательного наклонения происходит от основы будущего времени глагола и поэтому также имеет две разновидности: первая - от основы будущего определенного (суффикс *-рын*), вторая - от основы будущего неопределенного (суффикс *-шын*). Обе разновидности имеют как положительную так и отрицательную формы: *Асламбакъ ийлишазаркын ауи мицIыла дацIихварын, анхара дазибжъарын* (Т. И.) «Если бы это было в силах Асламбека, он за день сделал бы его взрослым и приучил бы к труду»; *ЩапIхъаца зтикова уара драчважшушин, ауаса атаца дылчвспстI* (Н. П., Т. Ч.) «Он бы и сам поговорил с теми, кто продает обувь, но боится снохих»; *Днымхара ахъазла тишIадимыррирызтI* (АПА) «Будь его воля (чтобы не работать) он бы не дал себя родить».

Финитные глаголы в форме предположительного наклонения в синтаксической позиции сказуемого. Глаголы предположительного наклонения (по другой терминологии «заглазная форма глагола») в синтаксической позиции сказуемого выражают реальную модальность (субъективную и объективную) с оттенком неуверенности¹. Финитная семантика этого глагола имеет абсолютное временное значение как в положительной, так и в отрицательной форме. Функцию сказуемого в форме предположительного наклонения выполняют и динамические и статические глаголы: *Хлаба ахъышла сгIайбазанI?* (Дж. XI.) «Отец, вероятно, увидел меня в окно?»; *Сара сапхъала арача ийнхуз дхъацIазарын* (Ащхъа дз.)

¹ В абхазском языке в отличие от абазинского заглазная форма глагола «выражает уверенность в реальном соответствии чего-либо действительности ... в семантике заглазной формы, помимо констатации факта действительности содержится указание на безотносительность говорящего к этому факту. Использованием заглазной формы говорящий подчеркивает, что то или иное действие или состояние осуществлялось, или осуществляется, или будет осуществляться вне его воли» (Чадуа, 1970, с. 201-202).

«Работавший до меня здесь, по всей вероятности, был мужчина»; «*Бынчбуата бызыпшузарын*», - *йыхIватI Мухарби* (Т. И.) «Видимо, ты не спала и ждала меня», - сказал Мухарби»; *Aуи ари ахак дауахуштI* (Дж. Къ.) «Он, видимо, из этих краев»; *Абна хIнадзарныс саржна гIвышвкI ахла гъхIмамхымзапI* (Хл. З.) «Чтобы добраться до леса, нам, видимо, осталось не более двухсот сажень»; *Ауат гъламзарызтI, ласпазарын* (Аб. ал.) «Это, видимо, были не собаки, а щенята» и др.

В современном абазинском языке в синтаксической позиции простого глагольного склоняемого естественные и вопросительные формы глагола, причем это могут быть как вопросительные формы финитного глагола с изъявительной семантикой, так и глаголы инфинитивно-вопросительного образования (обстоятельственно-вопросительные и относительно-вопросительные), что не является естественным для положительных невопросительных глагольных форм. Соответствующие образования имеют свои грамматические и функциональные особенности, что может быть предметом другого исследования также, как и составное (именное и глагольное) склоняемое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристава Ш. К. Проблема простого предложения в абхазском языке. – Тбилиси: Мецниереба, 1982.
2. Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. – М.: АН СССР, 1955.
3. Камбачоков А. М. Проблема простого предложения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик, 1997.
4. Клычев Р. Н. Некоторые вопросы синтаксиса абазинского языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. - Т. XIV. - Тбилиси: Мецниереба, 1987. – С. 127-160.
5. Клычев Р. Н. Краткий очерк абазинского языка //Р. Н. Клычев. Абазинский литератур-
- ный язык. Поиски и находки. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – С. 119-155.
6. Кустова Г. И., К. И. Мишина, В. А. Федосеев. Синтаксис современного русского языка: Учеб. Пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
7. Левицкий Ю. А.. Основы теории синтаксиса. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
8. Лекант П. А.. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высш. шк., 2004.
9. Пазов С. У. Подлежащее в абазинском языке: синтаксическая позиция и способы выражения // Фундаментальные исследования / Научно-теоретический журнал, №9. – М.: Академия естествознания, 2008.
10. Пазов С. У. Синтаксическая позиция подлежащего в абазинском языке // Алиевские чтения /Материалы научной сессии. – Карачаевск: КЧГУ, 2009.
11. Пигин. М. И. Две формы склоняемого в языке: атрибутивно-именная и глагольная // Лингвистический сборник: Учен. Записки Петропавловского университета. – Петропавловск, 1963. – Т.10, вып. 3.
12. Табулова Н. Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск, 1976.
13. Чикобава Арн. Проблема простого предложения в грузинском языке. I. Подлежащее и дополнение в древнегрузинском языке. Издание второе. – Тбилиси: Мецниереба, 1968.
14. Чикобава Арн. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. II/ Теория сущности эргативной конструкции. Тбилиси: Мецниереба, 1961.
15. Чқадуа Л. П. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. – Тбилиси: Мецниереба, 1970.

Экономические науки

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ

Коротков К.С.

*Современная гуманитарная академия
Тюмень, Россия*

Процесс формирования инвестиционной программы является составной частью модели развития региона. Механизм создания инвестиционной программы должен основываться на принципе оптимальности. Интерес представляет задача формирования инвестиционного портфеля, в котором последовательность осуществления инвестиционных предложений и их набор был бы

оптимальным. Проблема состоит в выборе критериев наиболее точно отвечающих целям регионального инвестиционного менеджмента, определенным на первом этапе управления инвестиционным процессом.

Оптимальность, в нашем понимании, - это наилучшее соотношение ряда характеристик, таких как ликвидность, доходность, время реализации, эффективность, совместимость, рискованность. Все эти характеристики достаточно трудно сочетать в одной модели, поэтому представляется целесообразной попытка формирования модели оптимального инвестиционной программы по основным критериям. Стратегия регионального инвестора, очевидно, должна быть направлена на удовлетворение его потребностей, тщательный